

Е. В. ПОЛЕВЩИКОВА

**У ИСТОКОВ «ПАМФЛЕТНОЙ ВОЙНЫ»
КОНЦА XVIII ВЕКА (К ИСТОРИИ СПОРОВ
ВОКРУГ «БЕСЕДЫ О ЛЮБВИ К НАШЕЙ СТРАНЕ»
Р. ПРАЙСА)**

Осенью 1788 г. английское общество с размахом праздновало столетнюю годовщину Славной революции. В юбилейных торжествах, прошедших по всему королевству, приняли участие официальные лица, представители всех политических группировок. И в столичной прессе, и в сообщениях, прибывших из Эдинбурга, Дублина и других городов страны, признавалась исключительная роль Вильгельма Оранского, при котором британским подданным были «дарованы свободы». Спустя же несколько месяцев большинство англичан с воодушевлением приветствовали начало событий, освободивших французов от тирании Старого порядка.

Славную революцию в Англии и Великую Французскую революцию разделяло столетие, вместившее целую историческую эпоху: XVIII век, век Просвещения с его иллюзиями и разочарованиями. Зарождение этой эпохи было исполнено самых радужных надежд, конец столетия одним казался их воплощением, а у других порождал мрачные прогнозы. Но столь непохожие события связаны друг с другом как звенья одной цепи, как пролог и эпилог еще одной драмы истории, единство композиции которой достигалось в значительной мере общностью социально-политических теорий, в конце XVII в. сформулированных в классическом виде «сыном классического компромисса 1688 г.» Джоном Локком и ставших «политическими принципами» 1789 г. На пути от Билля о правах до Декларации прав человека и гражданина в политическую лексику XVIII в., в сознание современников все прочнее входило представление о правах и свободах человека. Не утихали споры о содержании этих понятий, вовлекая все новых участников. Одна из самых острых дискуссий по ключевым проблемам просветительской мысли в конце сто-

летия, сопровождавшаяся очередной «памфлетной войной», была начата видным английским философом-моралистом, диссентерским проповедником Ричардом Прайсом (1723—1791). В исторической и философской литературе рассмотрены главным образом его философские взгляды и религиозные убеждения, в меньшей степени — участие доктора Прайса в политических кампаниях и дискуссиях своего времени (1). В данной статье предпринята попытка освещения резонанса в английском обществе, вызванного последним крупным выступлением Прайса-политика. Эта проповедь была одним из первых сочинений, в котором на рассуждения о событиях 100-летней давности падал ответ начавшейся революции во Франции, актуализируя как достижения Славной революции, так и доставшиеся в наследство XVII в. нерешенные проблемы политической системы Великобритании.

Для воссоздания исторического контекста этого события, тесно связанного с деятельностью Лондонского Общества революции, были привлечены материалы из Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета (памфлетная литература, трактаты, пресса 1788—1798 гг.).

Итак, юбилейные торжества привели к оживлению политической жизни Великобритании. В ознаменование столетия Славной революции, ставшей важным рубежом в истории нового времени, в столице и провинциальных городах состоялись торжественные богослужения, многочисленные иллюминации, праздничные банкеты и юбилейные заседания многих клубов и политических обществ. По данным исследователей, только в Лондоне юбилейные обеды организовали семь крупных клубов и несколько более мелких (2). Существовавшие во многих городах страны Общества революции готовились отметить 1788 г. как «праздник политической свободы» (3). Самым влиятельным среди них было Лондонское общество революции, имевшее обычай устраивать банкет в годовщину революции 1688 г. — 4 ноября (4).

Осенью 1788 г. английские газеты и журналы сообщили своим читателям о банкете в «Лондонской таверне» под председательством графа Стэнхоупа, на котором присутствовало около 800 человек, а также об иллюминации, устроенной участниками встречи. Убранство помещения имело все атрибуты события 100-летней давности: портреты Вильгельма III, аллегорические изображения Великобритании с Биллем о правах в руках. Праздничному banquetу предшествовала служба, на которой с проповедью выступил преподобный доктор

Киппис (5). В честь этого события члены Общества революции вместе с клубом вигов задумали проект возведения памятной колонны. Многолюдными были банкеты Конституционного общества и клуба вигов (6).

Последняя треть XVIII в. была ознаменована появлением целого ряда политических клубов и обществ либерального толка, составивших одну из традиций политической жизни Англии и игравших важную роль в формировании общественного мнения страны. Наряду с парламентариями, титулованными аристократами, видными деятелями политической оппозиции в период правления Георга III в политические общества все чаще вступали выходцы из средних слоев английского общества, среди которых было немало последователей различных протестантских сект, отделившихся от англиканской церкви нонконформистов. Нонконформистские группы диссентеров активно вовлекались в политическую жизнь Великобритании тех лет (7). Одни (Джон Картрайт, Джеймс Бург, Томас Б. Холлис и др.) еще со времени англо-американского конфликта были опытными участниками политических дискуссий, кампаний внепарламентской оппозиции, другие (Уильям Годвин, Мэри Уолстонкрафт, Томас Уокер) делали свои первые шаги на новом поприще. Вместе с либерально настроенными членами английской церкви (в их числе исследователи называют Кр. Уайвилла, Дж. Джебба, Дж. Хорн Тука, Гр. Шарпа) диссентеры составили костяк образованного в 1780 г. Общества конституционной информации, включившись в движение за демократизацию политического строя Великобритании в конце XVIII в. и парламентскую реформу, необходимость проведения которой становилась все очевиднее в эпоху начавшейся промышленной революции (8).

Как отмечает английская исследовательница Дж. Грэм, в своей критике состояния гражданских прав в Британской империи члены этой группы прибегали к языку Общества сторонников билля о правах, родившегося на гребне движения внепарламентской оппозиции, возглавляемой в 1768—1769 гг. неутомимым лидером Общества — Джоном Уилксом (9). (Впрочем, на мой взгляд, нельзя преувеличивать сходство позиций уилкитов и собравшихся в «Лондонской таверне» осенью 1788 г.). И хотя исследователи затрудняются точно определить число постоянных членов Лондонского Общества революции (10), нет сомнения, что среди них также было немало диссидентствующих проповедников, как, например, уже упоминавшиеся Э. Киппис и Р. Прайс. Имен-

но Р. Прайс, а также знаменитый естествоиспытатель, ученый и философ Джозеф Пристли (1733—1804) были подлинными интеллектуальными лидерами английского диссента 1770—1780-х годов, примыкавшими к группе «истинных вигов» (11).

Первые интеллектуальные успехи пришли к Р. Прайсу и его младшему другу в диссентерских академиях, где будущие философы формировались в типичной для этой культурной среды атмосфере уважения прав и свобод личности, и прежде всего — свободы совести, религиозной терпимости, высокого статуса научных знаний и приоритета нравственных начал. В теологическом и общефилософском плане между Дж. Пристли и Р. Прайсом, связанными узами многолетней дружбы и высоко ценившими взгляды и уважавшими моральные качества друг друга, сохранялись глубокие расхождения: Дж. Пристли был унитарием, в то время, как Р. Прайс принадлежал к арианскому течению английских диссидентов; первый известен как яркий представитель английского материализма XVIII в., второй же оставался на позициях философского идеализма. Что же касается социально-политических воззрений, то они во многом совпадали у этих мыслителей, сыгравших заметную роль в формировании политической философии своего поколения. По мнению известного английского ученого Л. Стивена, в их произведениях «мы впервые улавливаем истинно революционный тон. Либеральные диссентеры, которых они оба представляли, составляли хребет партии реформ в Англии» (12).

Для англиканского большинства населения страны были все еще характерны стойкие предубеждения в отношении диссентерских меньшинств. Неприятие взглядов одного из наиболее радикально настроенных диссентеров — Дж. Пристли наглядно проявилось в погроме его дома и лаборатории в Бирмингеме, учиненного толпой в ходе городских волнений 1791 г. (13). В прессе публиковались многочисленные свидетельства подобных предубеждений и выпадов против Дж. Пристли и Р. Прайса. По выражению одного из корреспондентов консервативного «Джентельменз мэгэзин», нельзя оставлять без внимания призывы этих «беспокойных умов» (14). «У Франции был Вольтер, у Англии есть Пристли», — писал другой автор этого издания и советовал сжечь все книги английского ученого (15).

«Антидиссентерская» кампания особенно оживилась в связи с начавшимися в парламенте слушаниями вопроса об

отмене Акта о присяге (согласно этому закону, принятому в 1673 г., претендующий на государственную должность был обязан принять причастие в соответствии с обрядом англиканской церкви). Ддиссентеры уже давно добивались отмены содержащихся в нем дискриминационных ограничений своих прав: они были практически отстранены от парламентской и муниципальной деятельности (16). В 1772 г. был принят билль о послаблениях протестанским диссентерам, но агитация за отмену актов продолжалась, потерпев поражения и в 1787 г., и в 1789 г. Дж. Пристли и Р. Прайс приняли самое активное участие в этих кампаниях. В письме, опубликованном в «Джентельменз мэгэзин», эти устремления были расценены как попытки вовлечь протестантов в борьбу против основ политического устройства Великобритании. Автор письма напоминает, что именно диссентеры поддержали восстание колонистов в Северной Америке (17).

Обвинения в адрес диссентеров в распространении революционных настроений участились с началом Великой французской революции. Весьма любопытна заметка в «Лондон кроникл», помещенная в газете в сентябре 1789 г. Включившись в дискуссию об отмене указанных законов, один из корреспондентов газеты инкриминирует диссентерам разжигание внутривластных страстей и предлагает подобным опасным для общественного порядка элементам переехать «во Францию или Америку» или любое другое место, где можно наслаждаться раздорами и мятежами», туда, где бесправный король содержится в заключении, а знать лишена всех своих титулов и привилегий, где разграблены церкви и приюты, а отпущенные на свободу преступники помогают бунтовщикам, где попораны законы и уничтожен порядок. «Именно такую свободу наши современные патриоты и реформаторы, которым нечего терять, желали бы видеть и в нашей стране, но мы надеемся, что они будут разочарованы», — заключал автор, скрывавшийся под псевдонимом «Пацификус» (18). Несмотря на очевидную предвзятость «миролюбивого» корреспондента, в этой заметке показательно восприятие диссентеров многими англичанами в качестве сторонников революционных перемен в Северной Америке и Франции. Насколько правомерны были эти оценки? В историографии проблемы поиски ответа на этот вопрос занимают значительное место. Определенный интерес в этом контексте представляет, на мой взгляд, обращение к свидетельствам о Лондонском Обществе революции и в пер-

вую очередь — к прозвучавшей перед его членами проповеди Р. Прайса.

Как известно, английские диссентеры различных направлений в целом поддержали освободительное движение в Северной Америке, выступив в 1770-х гг. против ужесточения колониального курса британского правительства. К тому же многих из них (в том числе Р. Прайса и Дж. Пристли) связывали тесные дружеские узы с единомышленниками за океаном. Выяснение реакции этой части английского общества на события во Франции в конце XVIII в. представляет собой более сложную исследовательскую задачу. Дело в том, что неприязненное и даже враждебное отношение многих англичан к диссентерам было в значительной мере результатом продуманной многолетней кампании. Нагнетание панических настроений, своего рода «психологический» террор, развязанный властями в 1790-е гг. по отношению к инакомыслящим, — все это приводило к тому, что многие диссентеры с рвением демонстрировали свою лояльность к существующим порядкам, стремясь показать себя защитниками стабильности в обществе (что не исключало весьма радикальных позиций таких деятелей, как Дж. Пристли). Однако связанные с отмеченными обстоятельствами проблемы возникают при обращении к ситуации, сложившейся в английском обществе со второй половины 1791 г., когда восприятие событий во Франции все больше разъединяло, а не объединяло либеральное общественное мнение Великобритании. Выводы же историков о реакции английского общества на первые месяцы Великой французской революции на редкость единодушны. Как отмечает Е. Б. Черняк, «французская революция вызвала вначале самый благоприятный отклик в Англии и у настроенного в духе просветительских идей либерального общества, и у вигов, видевших во французском 1789 г. повторение английского 1688 г.» (19). Революцию во Франции приветствовали все участники движения за реформу в Англии, но особое воодушевление она вызвала среди диссентеров, получивших мощный импульс для активизации борьбы против ущемления своих прав: «девять из десяти англичан, симпатизировавших революции, не принадлежали к церкви Англии» (20). Положение диссентеров в Великобритании выглядело особенно одиноко на фоне «внезапной победы... терпимости» в первые месяцы Французской революции (21).

Надежды, вызванные революционными событиями за Ла-Маншем, которые питали критически настроенные к ситуации в собственной стране англичане, выражает анонимный памфлет «Размышления о возможном воздействии Французской революции на Великобританию», изданный в 1790 г. Его автор, анализируя отношение своих соотечественников к событиям во Франции, полагает, что, если бы их последствия серьезно и без предубеждения учитывались в Англии, вся страна без исключения была бы охвачена «восхищением, близким к энтузиазму» (22). Заслуживает ли имени англичанина сохраняющий холодное безразличие при виде того, как Франция раскрепощается, пробуждаясь от летаргии, рвет свои цепи и с беспримерным в истории единодушием требует свободной Конституции, при виде того, как рушится тирания, отворяются двери темниц? — риторически восклицал автор памфлета. Вид великих перемен, произведенных во Франции, может уменьшить страх перед новациями, бытующий среди многих англичан, ссылка же на традицию слишком часто служит оправданием существующей порочной практики злоупотреблений в политическом устройстве Великобритании (23). Итак, против Французской революции могут выступать лишь те, чьи интересы не совпадают с интересами нации (гордые пэры, церковники, законники, местечковые тираны, вест-индские торговцы и т. д.), но «империя разума и гуманности» не будет брать их в расчет (24). Автор этого памфлета включился в разгоревшийся в английском обществе спор о сути происходящего за Ла-Маншем и возможных последствиях Французской революции для Англии и всей Европы. Начало этой дискуссии, занявшей важное место в истории общественно-политической мысли конца XVIII в., было положено на очередной встрече Лондонского Общества революции 4 ноября 1789 г. (на ней присутствовали лорд-мэр Лондона и несколько членов парламента), когда в диссентерском молельном доме Олд-Джури с проповедью перед членами Общества выступил доктор Прайс (25). По словам Ф. Брауна, «в тот вечер Прайс вошел в историю» (26).

Широкому кругу читателей гораздо лучше известны отклики на эту проповедь, чем содержание самого выступления Р. Прайса (27). Поэтому выделим основные положения «Беседы о любви к нашей стране» (под таким названием была опубликована проповедь), вызвавшие наиболее живую полемику среди современников.

Это сочинение Р. Прайса, к тому времени опытного политического мыслителя, крупного авторитета в области статистики, автора известных трактатов (28) можно рассматривать как своеобразную квинтэссенцию его взглядов, выдержанных в духе просветительского рационализма. «Невежество порождает фанатизм, нетерпимость, преследование и рабство». Просветите и наставьте человечество и все эти пороки будут изгнаны, — вот лейтмотив проповеди философа, желавшего наряду с Мильтоном, Локком, Сиднеем, Монтескье, Тюрго «содействовать своими советами распространению среди своих сограждан знаний о своих правах, религии, природе и задачах гражданского правительства» (29).

Взгляды Р. Прайса на природу и сущность общественной свободы вполне укладывались в схему, в основе которой лежали социологические построения Локка, Монтескье, Блэкберна. Общественная свобода предполагает возможность управления гражданским обществом или Государством по своему усмотрению или в соответствии с принятыми им законами, не подвергаясь злоупотреблениям со стороны любой власти (30). Это положение «Замечаний о природе общественной свободы...» Прайса служит теоретическим фундаментом его размышлений о революции 1688 г. Прайс, как и Дж. Пристли, видел в перевороте 1688 г. реализацию права народа смещать и наказывать правителей за злоупотребления, ведь они — лишь «слуги народа» (31), именно народ является «источником власти, целью и опорой правительства», — провозглашал Дж. Бург (32).

В «Беседе...» Прайс вновь напоминает о принципах Славной революции. Они исходили из неотчуждаемых прав человека: свободы совести, права оказывать сопротивление угнетению и права народа «самому выбирать правителей». Опираясь на эти принципы, события 1688 г. не имели ничего общего с мятежом. Прайс подчеркивает бескровный характер свержения деспотизма в 1688 г. и выбора народом монарха, предоставившего гарантии безопасности собственности и свободы убеждений (33). Однако, несмотря на высокую оценку итогов Славной революции, он был убежден в том, что в результате событий 1688—1689 гг. веротерпимость в Англии так и не была вполне достигнута (положение диссентеров было тому доказательством). Но самое важное проявление несовершенства английской конституции после Славной революции — неравенство представительства в стране. Устранение этого фундаментального порока британ-

ской политической системы Прайс считал главной задачей всех истинных патриотов Великобритании (34). Вслед за Дж. Бургом и Дж. Картрайтом — наиболее радикальными сторонниками политических реформ среди английских диссентеров, более осторожный Р. Прайс также писал, что «спасение королевства действительно зависит от реформы парламента» (35). По его мнению для осуществления этой цели наступил, наконец, благоприятный момент. Автор «Беседы...» вдохновенно пишет о благотворных переменах, свидетелем которых ему довелось быть и заканчивает призывом всех «друзей свободы» действовать: «Ваши труды не напрасны... Смотрите, как свет, который вы зажгли, освободив Америку, бросил отсвет во Франции... и согревает и освещает всю Европу! Тренещите, ушгегатели мира! ...Вы не сможете удержать мир во тьме...» (36). Этот пассаж, исполненный высокой риторики, нельзя назвать типичным для человека, который, по всеобщему признанию, был по натуре рассудительным, спокойным, «умеренным энтузиастом» (37), но волнение переживаемого момента сказалось на заключительных строках «Беседы...», высоко оцененных прессой революционной Франции (38).

В качестве приложения к «Беседе...» была помещена «Декларация прав человека и гражданина», принятая Национальным собранием Франции. Это объяснялось сходством основополагающих идей этого документа и речи Прайса, на что указывал сам автор (39).

Следует отметить, что Общество революции не имело Конституции в строгом смысле этого слова. «Беседу...» Прайса можно в известной степени рассматривать как программный документ этой организации. В докладе Комитета Общества рассмотренные положения проповеди Р. Прайса принимались в качестве основных принципов Общества. На состоявшемся 4 ноября 1789 г. под председательством лорда Стэнхоупа собрании были сформулированы цели Общества. Для пропаганды принципов Славной революции и сохранения ценностей британской конституции предлагалось основать подобные общества по всей стране. Их члены, прочно связанные друг с другом, должны были «создать ...сплоченный союз истинных друзей общественной свободы», столь необходимый для ее сохранения (40).

По предложению Р. Прайса, единодушно поддержанному членами Общества, было принято Обращение к Национальному собранию Франции, в котором шла речь о вдох-

новляющем примере Французской революции для всего мира. Этот факт имел чрезвычайно громкий резонанс, поэтому остановимся несколько подробнее на обстоятельствах данного эпизода.

Английская и французская пресса уделила большое внимание переписке между Лондонским Обществом революции и Национальным собранием Франции, опубликовав фрагменты писем доктора Прайса и графа Стэнхоупа герцогу Ларошфуко. В письме к герцогу Прайс подчеркивал важность деятельности представителей французского народа для всего человечества. Зачитанный в Национальном собрании 25 ноября адрес Лондонского Общества революции был встречен аплодисментами; тогда же герцог Ларошфуко назвал английского проповедника «прославленным апостолом свободы», а его соратников — друзьями свободы и счастья народа» (41).

В годовщину Великой Французской революции 14 июля 1790 г. на банкете под председательством Стэнхоупа присутствовало 652 «сыновей свободы», в том числе много членов Общества революции, а также Горн Тук, Шеридан и другие деятели оппозиции. Прайс поднял тост за союз Франции и Англии, который мог стать гарантией всеобщего мира и счастья (42). Лондонскому Обществу революции представился случай оказать услугу делу мира: когда инцидент между Англией и Испанией грозил втянуть в конфликт Францию, Прайс обратился к Национальному собранию этой страны с миролюбивой речью (43).

Обращение Лондонского Общества революции было зачитано в Национальном собрании Франции летом 1790 г. и воспринято как свидетельство солидарности с революцией. В ходе прений Шарль Ламет предложил воспользоваться этим случаем, «чтобы обратиться к английскому народу через это общество» и убедиться, что прежний соперник (то есть Англия) не имеет намерения покушаться на свободу французов. Это выступление вызвало возражения некоторых членов Национального собрания, заметивших, что Англия «управляется не клубом, а парламентом», и именно с ним и следует вести диалог (44). Несмотря на эти замечания, судя по реакции членов собрания, обращение Лондонского Общества революции имело некоторый эффект.

Позднее в 1791—1792 гг. к Законодательному собранию, а впоследствии и к Национальному Конвенту обращались с приветствиями различные демократические клубы и организации Англии, в том числе Лондонское общество конститу-

ционной информации (45). Таким образом, адрес, направленный осенью 1789 г. Обществом революции, создавал прецедент, следуя которому, корреспондентами деятелей Французской революции стали довольно видные англичане. Впрочем, исследователи предполагают, что важность этой переписки несколько преувеличивалась современниками событий, а впоследствии, когда общественное мнение в Англии определенно настроилось против Французской революции, этот факт обернулся против Лондонского общества и его членов (46).

Главной темой переписки, продолжавшейся до начала 1792 г., было установление гармонии в мире. Однако к идеям Прайса и наиболее пылких поклонников событий за Ла-Маншем о вечном мире между Англией и Францией относились в целом весьма скептически. Со временем ирония сменилась холодным недоброжелательством, а затем — откровенной враждебностью. Тем не менее следует подчеркнуть любопытный факт: в 1789—1790 гг. в обеих странах раздавались голоса о возможности покончить с традиционной враждой и установить союз давних соперников и даже «стать одной семьей» на основе приверженности народов Англии и Франции идеалам Свободы. Не стоит преувеличивать степень распространенности подобных иллюзий, однако отметим общность посылок к таким парадоксальным выводам.

Здесь уместно вернуться к проповеди Р. Прайса, не случайно озаглавленной «Беседа о любви к нашей стране». Что же понимал под родиной Прайс? Это, по его мнению, «не почва или место на земле, на котором нам случилось родиться; не леса и поля, а то сообщество, членами которого мы являемся ...совокупность ...друзей и родственников... защищенных общими законами и связанных вместе общим гражданским образом правления» (47). Любовь к своей родине, а не ко всему человечеству для Прайса — проявление близорукости. Поэтому «мы должны рассматривать себя как граждан мира и заботиться о поддержании... прав в других странах» (48). В таком же духе рассуждал и автор анонимного памфлета о возможном воздействии Французской революции на английское общество. Он обвинял своих соотечественников в узком национальном эгоизме, напоминая, что «истинные интересы нации никогда не противоречат общим интересам человечества», победа останется за тем, кто будет способствовать счастью всего человечества, «расши-

рять империю разума, гуманности и истинной философии» (49). Именно подобный подход, основанный на приоритете общих интересов человечества в ущерб национальным, «помог» и Прайсу, и автору упоминавшегося памфлета, и некоторым членам Национального собрания Франции сделать прогноз, сколь парадоксальный, столь же и нереальный, игнорирующий всю сумму исторических обстоятельств, относительно возможной гармонии между Англией и Францией. Рецензент «Джентельменз мэгэзин», пытаясь отрезвить наиболее восторженных почитателей Французской революции, вполне точно определил взгляды таких авторов, как «слишком умозрительные и оторванные от реальности», так как они основаны на утверждении о том, что «все люди по природе свободны и равны», что невозможно осуществить в любом гражданском обществе (50). Важное наблюдение делает Дж. Вейч: в результате контактов французских и английских обществ в последних усилиях дух доктринерства и соображения целесообразности, более свойственные национальному характеру англичан, уступали доктрине прав человека (51).

Английская консервативная пресса отразила как традиционно недоверчивое отношение к интеллектуалам-лидерам диссентерских общин, так и растущую враждебность к революционной Франции. В ряде случаев обе темы переплетались. Вновь стала актуальной проблема отношения к Акту о присяге. Его защитники напоминали своим читателям о «свидетельствах вульгарности и зловредности», содержащихся в проповеди доктора Прайса и усматривали в выступлениях диссентеров опасный источник заблуждений и нестабильности (52). Довольно нелицеприятные выпады против проповеди и ее автора не были редкостью в таких изданиях как «Джентельменз мэгэзин». Уже после смерти Р. Прайса в журнале печатались упреки в его адрес в предательстве родины ради «французской черни» (53) в стремлении подражать парижским обществам и клубам, в разрушении авторитетов. Опасными представлялись уже известные нам рассуждения Прайса о том, что стать гражданином мира вовсе нетрудно и что подлинная любовь к своей стране отнюдь не заключается в стремлении к ее процветанию за счет других народов, а как раз наоборот (54). Красноречивый псевдоним взял один из оппонентов Р. Прайса — «Анти-Прайс» (55). Свои возражения Прайсу высказали и те, кто подписывался именем «честного вига». В этой заметке дана высо-

кая оценка личных качеств и добродетелей доктора Прайса, а подробный анализ проповеди включал рассуждение о «фанатизме свободы» (56). Обозреватель «Мансли ревью» был более лоялен к лидеру английских диссентеров. Возражая против резких обвинений «этого честного человека», он, однако, отметил особую склонность доктора к абстрактной идее народного суверенитета (57). Позднее, в конце 1790-х гг. тош обсуждения будут задавать издания типа «Антиякобинского обозрения», публиковавшего многочисленные выпады против диссентеров, настойчиво внушавшего своим читателям, что и доктор Прайс, и доктор Пристли — «подстрекатели, смутьяны», призывавшие к мятежу. Поэтому и революция во Франции была воспринята английскими диссентерами «с энтузиазмом, граничащим с безумием» (58). При этом в качестве доказательства ссылались именно на «Беседу...» Прайса, в которой можно «найти немало пассажей самого опасного свойства». О позиции, занятой этим изданием по отношению к событиям во Франции, многозначительно говорит само его название...

Напомним, однако, что вплоть до 1790 — начала 1791 гг. в высказываниях англичан о французских делах преобладали доброжелательные тона. К тому же многие английские либералы полагали, что революция во Франции близится к завершению и вполне уместно внимательнее присмотреться к ее опыту и проведенным реформам (59). Поэтому выступление в парламенте 9 февраля 1790 г. самого блестящего оратора вигской оппозиции Эдмунда Берка (1729—1797) стало своеобразной сенсацией. Берк был первым государственным деятелем Великобритании, охваченным ужасом перед Французской революцией, — пишет Т. Мэй (60). Берк отметил опасный характер примера Франции, установившей кровавую, жестокую и тираническую демократию. Французы за два месяца разрушили то, что нельзя восстановить за несколько столетий, они опрокинули монархию, церковь, законы, армию, торговлю, конституцию (61). Берк предположил также, что события во Франции приведут к расколу в рядах прежних сторонников в английском парламенте. И оказался прав. Граф Стэнхоуп опубликовал открытое письмо Э. Берку (62); ему возражали и Ч. Дж. Фокс, Р. Б. Шеридан — самые крупные и яркие фигуры среди либерально настроенных вигов. Шеридан заявил, что Берк оклеветал поборников свободы и таким образом оказал поддержку деспотизму, он же, напротив, пожелал успехов французским

революционерам (63). В ответ Берк заявил, что с этого момента он навсегда разошелся со своими недавними соратниками (окончательный раскол оппозиции произошел в мае 1791 г.). Таким образом, в начале 1790 г. в палате общин прозвучали первые аргументы участников дебатов, вскоре принявших общенациональный размах. Спустя несколько месяцев появилось одно из самых знаменитых сочинений конца XVIII столетия — «Размышления о Французской революции» Э. Берка, после чего начавшаяся дискуссия обрела особенно острый характер.

Книга Э. Берка породила огромную научную литературу. В центре внимания исследователей, как правило, — анализ его концепции Великой французской революции (64). В данном же случае предметом специального рассмотрения является оценка деятельности Лондонского общества революции, вынесенная Берком, а также характер разногласий между ним и Р. Прайсом. Напомним, что проповедь Прайса, произнесенная 4 ноября 1789 г. и документы, принятые на заседаниях Обществ, послужили дополнительным толчком к написанию знаменитого памфлета (что отражено в его полном названии) (65).

Итак, предоставим слово Э. Берку — не философу и историку, а пристрастному наблюдателю за собраниями Общества революции. Не следует, однако, забывать, что именно его глазами многие современники воспринимали события политической жизни столицы. С другой стороны, парадокс заключался в том, что в книге Берка преобладали эмоции, когда он обращался к конкретным ситуациям, но он оказывался достаточно прозорливым в общей оценке долговременных последствий процессов, развернувшихся в Европе. Это причудливое переплетение близорукости и проицательности (Вейч рассматривает его как конфликт рационального и эмоционального в натуре публициста) (66) особенно очевидно проявляется, на мой взгляд, в выпадах Берка против Лондонского Общества революции и его лидеров.

Э. Берк взял на себя труд разоблачить перед лицом английской нации участников заседаний Лондонского Общества революции. Отсюда пренебрежительный тон автора: оказывается, члены этой организации, не ограничиваясь веселыми застольями и проповедями по тому или иному поводу, вовлечены в общественную деятельность и даже взяли на себя смелость направить приветственный адрес Национальному собранию Франции! (67). Как только он не называет

членов общества: «поставщики правительств», «героическая группа ниспровергателей монархов», «выборщики суверенов», «вожди, приводящие королей к триумфу»... Прослушав проповедь Прайса, они поспешили поделиться с миром полученными знаниями, для чего объединились и двинулись из церкви в «Лондонскую таверну», где вновь выступил доктор Прайс, из которого все еще не вышел дух оракула (68)...

Все вызывает раздражение, презрительную насмешку или же негодование Берка: фигура оратора, содержание его речи и, конечно же, «опасный характер» идей и призывов, прозвучавших в проповеди этого «доктора от политики»: «редко кто-либо излучал с кафедры меньше духа терпимости», чем автор лекции в Олд-Джури, выступивший с «антиконституционной» доктриной (69). В выступлении Р. Прайса Берк был склонен увидеть один из примеров вовлечения диссентеров в политическую жизнь. Однако «политика и кафедра плохо согласуются друг с другом», от этого смешения обязанностей страдают как интересы религии, так и дело гражданской свободы (70). Неопытные в делах политики, безответственные и самонадеянные «новоявленные доктора прав человека» лишь возбуждают страсти, и в этом главная опасность вновь возродившегося в Англии «кафедрального стиля» (71).

Но дело не только в неприятии Берком самого образа проповедника, занявшегося «не своим делом» (72). С кафедр вновь раздаются сигналы к революциям, проповедуются «бунтарские» доктрины, которые подрывают основы конституции Великобритании (73). Как уже отмечалось, продолжая докковскую традицию, представители радикального направления английского диссента исходили из признания права народа на сопротивление угнетению. Эти идеи вызывали особое негодование Э. Берка (74). Вступая в спор с «новыми фанатами» идеи «деспотической власти народа», он стремился противопоставить им сакральную силу традиции, право наследования. Таким образом, исследователи не случайно обращаются к наследию Э. Берка, изучая истоки европейского консерватизма (75). Как справедливо подчеркивает Ф. Браун, не революция во Франции превратила Берка в апологета традиции и противника «абстрактных прав и свобод»: она лишь ярче раскрыла эту грань его мировоззрения (76).

Здесь следует вспомнить, что разногласия между Берком и Прайсом (а в его лице — и другими защитниками «прав

человека») наметились еще раньше, в годы войны североамериканских колоний за независимость. Казалось бы, в тот период они были союзниками, выступая против жесткого курса британского правительства за «компромиссный исход конфликта, необходимость принять во внимание права колонистов. Однако это согласие носило довольно формальный характер. В «Речи о примирении с колониями» (1775) Берк писал: «необходимо точно следовать природе и обстоятельствам предмета, который мы рассматриваем. Ибо... мы должны управлять Америкой в соответствии с этой природой и обстоятельствами, а не согласно нашим собственным представлениям или абстрактным идеям о правах и уже ни в коем случае не руководствуясь этими общими теориями, прибегать к которым в сложившейся ситуации было бы очевидной глупостью» (77). В основе же анализа Прайса, по его собственным словам — не прецедент, а разум, справедливость и права человека (78). В своих трактатах, написанных в годы англоамериканского конфликта, он стремился выяснить соответствие колониальной политики Великобритании общим идеям о природе и принципах общественной свободы (79). Но общественная свобода, по мнению Берка, далека от абстракций метафизиков, которые «как анатомы препарируют доктрину свободного правительства и именуют тиранией и узурпацией всякий способ правления, не соответствующий их представлениям» (80).

Подобные высказывания Э. Берка — не риторические приемы; в них отразилось давно, еще со времени написания первого шумевшего сочинения «Защита естественного общества» (1756) выношенное неприятие им идеи всемогущего разума: «разум, не сдерживаемый пониманием собственной слабости, своего подчиненного положения в мироздании, опасности давать свободу воображению в отношении определенных предметов, вполне может обрушиться на все самое прекрасное и святое» (81). Наблюдая за ходом революционных событий во Франции, Берк еще более убеждался в том, что «абстрактные права человека» теоретиков имеют мало общего с реальной действительностью: при соприкосновении с жизнью эти метафизические права, подобно лучам света, проникающим в темную среду, по законам природы преломляются и отклоняются от своей прямой линии, — пишет он в «Размышлениях...» (82). Прайс же никогда не сомневался в возможностях Разума. Игнорируя исторический метод, он предлагал реформировать общество без учета тра-

дий, которыми оно было до сих пор связано и был равнодушен к той концепции континуитета социального организма, которая составляла столь важный элемент взглядов Э. Берка.

Итак, яростное неприятие проповеди, произнесенной Прайсом 4 ноября 1789 г. и побудившей Э. Берка к написанию «Размышлений о Французской революции», нельзя, как это делает А. Лабуше, объяснить лишь изменением ситуации в Европе (83). С началом Великой французской революции глубокие внутренние противоречия между подходами Р. Прайса и Э. Берка к анализу общества и государства раскрылись в полной мере. Берк осудил абстрактные принципы революции прежде всего потому, что в их опасности его убеждали практические действия участников событий во Франции. Прайс, напротив, вновь вдохновился идеей скорого воплощения абстрактных прав по обе стороны Атлантики, укрепляя подозрения Берка в реальности «атлантической революции» (84): свет Свободы и Разума уже зашел в Америке, теперь зажегся во Франции и, как он надеялся, должен был явиться и в Англии (85).

Отмечая «пространный» стиль проповеди Прайса, Берк, тем не менее, точно выделяет главный элемент этой «путаницы». Это, конечно же, революция во Франции, которая вызвала у Прайса и его единомышленников восторг, близкий к экзальтации. В том, что происходило в этой стране, они видели лишь проявление Свободы. Но, восклицал Берк, можно ли поздравлять сумасшедшего, покинувшего «рак своей темницы и вновь обретшего свет и свободу?» (86).

Метафора безумия возникает не случайно. Это важнейший прием, к которому прибегает Берк, чтобы показать, как революция искажает чувство реальности. «Англичане и французы помешались, наслушавшись революционных фантазий, подобных проповеди Р. Прайса», защитники Французской революции, приветствуя свободу в виде метафизической абстракции, сами являют собой результат иллюзорных фантазий самого опасного свойства. Поэтому Берк рассматривает свои «Размышления...» как лекарство против этого революционного безумия, как инъекцию реализма, столь необходимую политическому телу Европы, которое лихорадило (87).

Таким противоядием, по мысли Берка, могло стать обращение к опыту Славной революции 1688 г. и ценностям британской конституции. Однако «политики из Олджурри (то есть члены Лондонского Общества революции), засуждая

о революции 1688 г., постоянно смешивают ее с событиями во Франции спустя столетие. Нет ничего удивительного в том, что заговоры и убийства для таких «политиков» — весьма тривиальная цена за приобретенные «права и свободы» (88). Так в книге Берка возникает тема заговора против порядка и стабильности как во Франции, так и в Европе в целом. Опасность заговора угрожает и ценностям британской конституции. Отсюда столь пристрастное отношение Берка к проповеди Прайса, которую он рассматривает как публичное заявление человека, связанного с интригами-философами, с политиканствующими богословами и проповедующими политиками и в Англии, и за границей: «они выставили его как оракула», исполняющего свою партию в полном согласии с их намерениями (89). Таким образом, речь Прайса, несущая в себе дух заговора, — это часть плана «смещения королей за недостойное поведение» (90).

Глубокое беспокойство Берка вызывало намерение увлечь англичан примером Национального собрания Франции, которое обнаруживают материалы Общества революции (91). Он был склонен рассматривать это как признак общевропейского кризиса, самым поразительным и опасным проявлением которого и была Великая французская революция. Свои «Размышления...» Э. Берк завершил пожеланием соотечественникам не перенимать у соседей новые рискованные модели общественно-политического устройства, а служить примером для всей Европы, демонстрируя преимущества британской конституции, детища Славной революции (92).

Таким образом, сопоставление сочинений Э. Берка и Р. Прайса отражает не только их разногласия в оценках событий во Франции. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на неприятие обоими архаичности некоторых элементов английской политической системы и особенно коррупции, оппоненты ориентировались на различные ценности: для Берка была исключительно важна идея общественного порядка, который следовало сохранить ради благополучия и спокойствия нации, для Прайса приоритетными были идеи политической и гражданской свободы, прав человека.

Книга Э. Берка сразу же вызвала большой резонанс в английском обществе (в течение нескольких месяцев она разошлась тиражом в 30 000 экземпляров). Об этом свидетельствует памфлетная литература, публицистика, заметки в прессе. В газетах и журналах печаталось немало откликов на «Размышления...». В одном из них, весьма простом,

осуждалось как «абсурдное» поведение членов Общества революции, прежде всего — их контакты с Национальным собранием Франции. Рецензент заявил о своем полном согласии с резкими оценками Берка. Он исходил из того, что симпатии к Французской революции несомнимы со званием гражданина Великобритании, но выражал надежду, что можно положиться на осмотрительность большинства англичан, которых нелегко сбить с толку. Сомневающимся он рекомендовал «Размышления...» как наставления трезвого ума (93).

Кроме восторженных откликов на книгу Берка в прессе публиковались и более сдержанные, а также критические замечания. Так, обозреватель «Мансли ревью» подчеркивал, что мастерство Берка-писателя превосходило глубину анализа Берка-теоретика; сила его чувства и живость мысли часто подгоняли его к поспешным и противоречивым выводам, панегирик и инвективы постоянно заменяли аргументы и приводили к ошибочным суждениям (94).

Учитывая накал полемики, довольно странной, на первый взгляд, представляется реакция самого Р. Прайса на столь нелюбезную критику в свой адрес. Он весьма неохотно откликнулся на «Размышления...» Берка и начавшуюся дискуссию (95). В «Предисловии и дополнении» к «Беседе о любви к нашей стране» развитие получила лишь одна тема, впрочем, весьма важная для политических убеждений доктора Прайса и его единомышленников в Великобритании. Речь идет о высказанном в произнесенном Прайсом тосте на юбилейном банкете, возмущившем и Берка, и других оппонентов диссентерского проповедника, пожелании в адрес британского парламента «стать Национальным собранием!». Прайс пояснил, что этим он хотел лишь призвать к «такой реформе представительства королевства, чтобы Парламент... по праву считался бы Национальной ассамблеей, в действительности представляющей нацию и выражающей ее волю». Однако этому тосту придали иной смысл, совершенно чуждый намерениям Прайса. В целом же «Предисловие и дополнение...» Р. Прайса проникнуты уверенностью в собственной правоте и содержат уже знакомый набор идей и аргументов. Создается впечатление, что ощущавший приближение конца своей земной жизни Прайс (он был тяжело болен) не слышал голоса своих критиков или сознательно оставял их выпады без внимания, что вызывало недоумение (96).

Но за философа-моралиста вступились его друзья, защищая репутацию доктора; в полемику включились оппоненты Берка, представлявшие довольно широкий спектр взглядов: от умеренно-либеральных до революционных, от сэра Филиппа Фрэнсиса и графа Стэнхоупа до Т. Пейна. В конце 1790 — начале 1791 гг. появилось около 40 откликов на книгу Э. Берка (97). Самыми известными среди них были памфлеты Дж. Маквитоша («Иск галлов»), М. Уолстонкрафт («Защита прав человека»), К. Маколей («Замечания о Размышлениях достопочтенного Эдмунда Берка о революции во Франции»), Т. Пейна («Права человека». Часть первая), Дж. Пристли («Письма достопочтенному Эдмунду Берку») и др. Каждый из перечисленных памфлетов внес оригинальный вклад в развитие определенных политических теорий (их рассмотрение не входит в задачи автора статьи). Но несмотря на талант и энергию оппонентов Берка, его «Размышления» произвели мощный эффект на сознание современников. В этом споре английское общественное мнение все очевиднее поддерживало Э. Берка.

Консервативная пресса, как отмечалось выше, всегда враждебно относилась к политической деятельности диссентеров в стране (билль о некоторых льготах диссидентам, отклоненный в 1789 г. незначительным большинством голосов, совершенно провалился при повторной попытке провести его через палату в 1790 г.). Ее лейтмотивом стало раздувание угрозы стабильности государства и церкви Англии, исходящей от «докторов-богословов» и их «паствы» в лице членов таких политических клубов как Лондонское Общество революции.

В ноябре 1790 г. Р. Прайс в последний раз председательствовал на ежегодном собрании Лондонского Общества революции. Подробный отчет об этой встрече в «Лондонской таверне», в которой приняло участие около 400 человек, опубликовала «Лондон кроникл» (98). Корреспондент газеты обратил внимание на смену председательствующего на заседании Общества: замена лорда Стэнхоупа «доктором сомнительной степени» (Прайсом) свидетельствовала, по его мнению, о деградации и распаде Общества. Через неделю та же газета поместила обращение к «доктору Прайсу, председателю, и членам Общества революции». Пренебрежительный характер описания заседания клуба объясняется в нем эффектом нападок Э. Берка на это Общество «в

книге, которая заставила говорить о себе всю страну... Клуб может стать «объектом всеобщего презрения», а Национальное собрание Франции — предметом насмешек за связи с таким «ничтожным Обществом».. Здесь же членам Общества революции предлагалось ответить на вопросы весьма своеобразной анкеты, содержание и тон которой отличались переходом от подозрительного отношения к откровенным издевательствам над членами клуба (99). Эти публикации, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что довольно единодушная морально-политическая поддержка Р. Прайса со стороны части либеральных и особенно — радикальных публицистов и политических деятелей, поспешивших «скрестить шпаги» с Э. Берком и принявших участие в полемике, значение которой вышло за рамки разногласий теоретиков, отнюдь не улучшила репутацию Лондонского Общества революции, которое воспринималось общественностью страны с настороженностью и скепсисом.

Однако сообщения о кончине «весьма знаменитого доктора Ричарда Прайса, хорошо известного в политических и философских кругах», проникнуты уважением к личности покойного (100). В некрологе, помещенном в «Джентельменз мэгэзин», отмечается, что Р. Прайс был врагом узурпированной власти и защитником прав человека и таким его знали и ценили друзья свободы во всем мире. На похоронах преподобного доктора Прайса присутствовал граф Стэнхоуп, герцог Портлендский, граф Фитцуильям, члены Общества революции и Общества конституционной информации (101). Получив сообщение о смерти Прайса, французские общества приняли решение о трауре по английскому философу, а парижские якобинцы направили Лондонскому Обществу революции свои соболезнования (102).

Между тем к этому времени лидеры вигской оппозиции — лорд Стэнхоуп, Фокс, Шеридан отошли от деятельности Общества (103). Его заседания не были уже столь многочисленными и оживленными как в 1788—1789 гг. На встрече Общества революции в ноябре 1791 г. приняло участие 250 человек; через год в «Лондонской таверне» собралось около 350 человек (104). Летом 1791 г. члены Общества приняли участие в праздновании годовщины взятия Бастилии. Звучали здравницы в честь Французской революции; поднимались тосты «за права человека», «за нацию, закон и короля» (105). Был поднят тост и в память о Р. Прайсе (106). Участие англичан в подобных акциях расценивалось теперь в прессе

как опасное проявление смуты и фанатизма последователей «сумасбродных принципов доктора Прайса и мистера Т. Пейна», требующее решительного отпора со стороны правительства (107).

Как указывалось выше, в начале 1792 г. была прервана переписка Лондонского Общества революции с французскими корреспондентами. После банкета осенью 1792 г. следов дальнейшей деятельности Общества обнаружить не удалось...

Итак, после заметного оживления деятельности либеральных политических клубов сначала снизилась активность Общества революции, а затем поредели ряды Общества конституционной информации, пережившего свой подъем в 1791—1792 гг. Созданное весной 1792 г. вигское Общество друзей народа к середине 1790-х гг. также перестало играть самостоятельную политическую роль. Таким образом, клубы, объединявшие сторонников реформ из числа либерально настроенной интеллигенции и диссентеров, пытавшихся вести агитацию за реформу, сохраняя лояльность к властям, не придававших большого значения организации, не отвечали требованиям наступившего этапа борьбы за парламентскую реформу. На смену им пришли политические организации иного типа: в феврале 1792 г. состоялось первое заседание Лондонского корреспондентского общества, основателем которого был сапожник Томас Гарди.

Однако отход левовигской оппозиции был связан не только с радикализацией состава политических обществ и общим изменением внутривигской ситуации в Великобритании. Летом 1792 г. «Джентельменз мэгэзин» опубликовал краткую, но многозначительную рецензию на памфлет «Защита доктора Прайса и реформаторов Англии» Кр. Уайвилла. «Лучшим комментарием» к этой защите, по словам рецензента, являются дебаты в палате общин по предложению мистера Грея... (108). Речь идет об очередной попытке вынести на обсуждение палаты общин вопрос о реформе представительства в парламенте (109). Она вновь закончилась неудачей (лорду Грею удастся провести через парламент знаменитый билль о реформе 1832 г. на склоне жизни — через 40 лет). Тем не менее борьбу, развернувшуюся на долгие годы между сторонниками и противниками реформы в парламенте, можно действительно считать «лучшей защитой» взглядов Р. Прайса.

...В своих «Замечаниях...» «либеральный английский историк Кэтрин Маколей заявляла о «двух партиях», сформир-

ровавшихся в Великобритании: в одной революция во Франции пробуждала восхищение, в другой — негодование и презрение. «Оракулом» последней она справедливо назвала Э. Берка (110). По мнению французского исследователя Ж. Годшо обвинения, прозвучавшие в адрес французских революционеров в книге Берка, вдохновили английское правительство на проведение репрессий против демократического движения в стране. Таким образом Берк причисляется к одному из главных доборников европейской контрреволюции (111).

Одним из итогов рассмотренной «памфлетной войны» конца XVIII в. было оформление идейно-политических платформ ее участников, как сторонников радикальных реформ (они опирались на доктрину «Прав человека» Т. Пейна), так и защитников статус кво британского государства, сохранения конституционных традиций английского общества, с восторгом встретивших «Размышления о Французской революции» Э. Берка. На мой взгляд, Р. Прайса, открывшего дискуссию, довольно сложно безоговорочно «прописать» по определенному адресу. Выше были рассмотрены принципиальные расхождения между Прайсом и Берком. Трудно, однако, представить, чтобы умеренный и осторожный доктор Прайс поддержал бы критический заряд, который Т. Пейн направил против Славной революции, по его словам, «непомерно вознесенной силой обстоятельств» (112). Прайс выступил со своей проповедью в момент, когда многим еще казалось возможным гармоничное соединение завоеваний Славной революции с новыми перспективами, открывшимися в ходе революционных преобразований во Франции. Но это время объединяющих надежд прошло. Уже с 1792 г. (столь важного рубежа и в истории Великой французской революции, и в развитии внутривнутриполитической ситуации в Великобритании, и в англо-французских отношениях) по точному наблюдению Е. Б. Черняка, «прежний радикализм» — не только Питта и герцога Ричмондского, но Прайса, Пристли и даже Джона Горн Тука — уступал место новому радикализму Т. Пейна и народных обществ (113). Деятельность этих демократических обществ продолжалась до конца 1790-х гг. Это 10-летие, прошедшее со времени юбилейных торжеств в честь Славной революции 1688 г., оказалось критическим в новой истории Англии, Франции и всей Европы. Прогнозы «апостола свободы» Р. Прайса не сбылись, «торжество Ра-

зума» обернулось, по Берку, «безумием», надежды на установление между Англией и Францией мира и гармонии рухнули: Европа воевала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Agnew J. R. Price and the American Revolution. Univ. of Illinois, 1949; Cone C. Torchbearer of Freedom. The Influence of R. Price on XVIIIth century Thought. N. Y., 1952; Laboucheix H. Richard Price. Théoricien de la Révolution américaine. P., 1970; Thomas D. The Political Philosophy of R. Price. Univ. of Wales, 1952; Richard Price and the Ethical Foundations of the American Revolution./Ed. by B. Peach. Duke Univ. Press, 1979.
2. Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Regorm. L., 1913. — P. 106.
3. Brown Ph. The French Revolution in English History. L., 1923. — P. 25; May T. Constitutional History of England since the Accession of George III. Vol. 2. L., 1875. — P. 281.
4. Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие (История публичных митингов в Англии). Т. 1. — СПб. — 1901. — С. 197.
5. The Gentleman's Magazine. 1788. — November. — P. 1024; The London Chronicle. — 4—6 — November — 1788; The Monthly Review. — 1788. — Vol. 79. — P. 563—564.
6. Быков Г. Очерки по истории социальных движений в Англии (1764—1836). — М.—Л. — 1934. — С. 40.
7. Brown Ph. Op. cit. — P. 30.
8. См.: Мижнев П. Г. Политическая история Англии в XIX в. М., 1907; Dickinson H. T. Liberty and Property. Political Ideology in the XVIIIth century Britain. — N. Y., 1977.
9. Graham J. Revolutionary Philosophers: the Political Ideas of Joseph Priestley//Enlightenment and Dissent, Part 1. — 1989. — № 8. — P. 56.
10. Veitch G. Op. cit. — P. 106.
11. См.: Полевщикова Е. В. «Істинні віги» в політичному житті Великобританії (1760—1770)//Питання нової та Новітньої історії. — Вип. 39. — К., 1993.
12. Stephen L. History of English Thought in the XVIIIth century. — Vol. 2. — L., 1876. — P. 252.
13. Петниова А. И. Джозеф Пристли и революционная Франция//Европейское Просвещение и Французская революция XVIII в. — М., 1988. — С. 136—137; Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. — М., 1962. — С. 89—91; Gooch G. P. Annals of Politics and Culture (1412—1849). Cambridge, 1901. — P. 280.
14. Gentleman's Magazine. — 1879. — May. — P. 393.
15. Gentleman's Magazine. — 1788. — March.
16. Brown Ph. Op. cit. — P. 29.
17. Gentleman's Magazine. — March. — P. 253.
18. The London Chronicle. — 24—26 November. — 1789.
19. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 49; см. также. Загидуллина Г. Н. Англия и революционная Франция (1789—1793)//Новая и новейшая история. — 1984. — № 3; May T. Op. cit. — Vol. 2. — P. 163; Brown Ph. Op. cit. — P. 40.
20. Cambridge Modern History. — Vol. 8. — L., 1934. — P. 764.
21. Brown Ph. Op. cit. — P. 29.

22. Thoughts on the Probable Influence of the French Revolution in Great Britain. — L., 1790. — P. 1—2.
23. Ibid. — P. 3, 13—14.
24. Ibid. — P. 21.
25. Price R. A Discourse on the Love of Our Country. — L., 1789; Gooch G. P. Op. cit. — P. 276; Stanhope, Lord. William Pitt et son temps. — Vol. 2. — P. 1862. — P. 65.
26. Brown Ph. Op. cit. — P. 30.
27. См., например: Чудинов А. В., Берк и его оппоненты (Первые размышления англичан о Великой французской революции)//Культура эпохи Просвещения. — М., 1993.
28. Price R. Observations on the Importance of the American Revolution, and the Means of Making it a Benefit to the World. — L., 1784; idem. Two Tracts on Civil Liberty, the War with America, and the Debts and Finances of the Kingdom, with a General Introduction and Supplement. — L., 1778 (8th ed.).
29. Price R. A Discourse... — P. 13—14.
30. Price R. Two Tracts on Civil Liberty... — P. 2—3.
31. Ibid. — P. 6, 10.
32. Burgh J. Political Disquisitions. An Inquiry into Public Errors, Defects and Abuses. — Vol. 1. — L., 1774—1775. — P. 1—6.
33. Price R. A Discourse... — P. 23—25.
34. Price R. A Discourse... — P. 35—36, 39—41; Dickinson H. Op. cit. — P. 233.
35. Burgh J. Op. cit. — P. V—VII, 24; Cartwright J. The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated, or Take Your Choice. — L., 1777. — P. XXI—XXV; The Life and Correspondence of Major Cartwright. — Vol. 1. — N. Y., 1969. — P. 97.
36. Price R. A Discourse... — P. 50; Idem. Appendix to the «Discourse». — P. 13.
37. Veitch G. P. Op. cit. — P. 161; Brown Ph. Op. cit. — P. 31.
38. Annales Patriotiques et littéraires de la France et Affaires politiques de l'Europe. — 2 Juin, 1790. — № 42.
39. Price R. Appendix to the «Discourse»... — P. 5, 9—10, 13.
40. Ibid. — P. 12.
41. Gazette Nationale, ou le Moniteur Universelle. — 26 décembre, 1789. — № 128; The London Chronicle 29—31 December, 1789.
42. Veitch G. P. Op. cit. — P. 149.
43. Gazette Nationale... — 31 Juillet, 1790. — № 212.
44. Ibidem; Gazette Nationale 22 Juillet, 1790. — № 203.
45. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 50. В приложении к своему фундаментальному труду Дж. Вейч приводит список 50 французских обществ, которые вели переписку с Лондонским Обществом революции и Обществом конституционной информации. См.: Veitch G. P. Op. cit. — P. 357.
46. Veitch G. P. — Op. cit. — P. 121.
47. Price R. A Discourse... — P. 2—3.
48. Ibid. — P. 5—6, 8, 10, 44.
49. Thoughts on the Probable Influence... — P. 4—5, 12.
50. The Gentleman's Magazine. — 1790. — April. — P. 343.
51. Veitch G. P. Op. cit. — P. 126.
52. The Gentleman's Magazine. — 1790. — March. — P. 254.
53. The Gentleman's Magazine. — 1791. — September. — P. 838.
54. The Gentleman's Magazine. — 1789. — December. — P. 1121—1122.

55. The Gentleman's Magazine. — 1790. — March. — P. 253.
56. The Gentleman's Magazine. — 1790. — April. — P. 348.
57. The Monthly Review. — 1790. — P. 115—117, 341.
58. The Anti-Jacobin Review. — 1798. — P. 555, 629—630.
59. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 49—50; Чудинов А. В. Указ. соч. — С. 226—227.
60. May T. Op. cit. — Vol. 2. — P. 163.
61. The London Chronicle. — 9—11 February, 1790; The Gentleman's Magazine. — 1790. — March. — P. 227.
62. The Monthly Review. — 1790. — Vol. 1. — P. 447.
63. The London Chronicle 9—11 February 1790; Annales Patriotiques 28 février 1790. — 149; Gooch G. P. Op. cit. — P. 278; Brougham H. Historical Sketches of Statesmen who flourished in the time of George III. First Series. — L., 1840. — P. 192.
64. Среди новейших работ см. Чудинов А. В. Указ. соч.; его же. Эдмунд Берк и современные рентерпретации Великой французской революции//От Просвещения к революции: из истории общественной мысли нового времени. — М., 1990. — С. 94—111; Лебедев Ю. Б. Эдмунд Берк и его концепция Великой французской революции//Вестник ЛГУ. История, язык, литература. — 1982. — Вып. 3. — № 4; Blakemore St. Revolution in Representation: Burke's Reflections on the Revolution in France//Eighteenth century Life. — Vol. 15. — 1991. — P. 1—18.
65. Burke E. Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in certain Societies in London relative to that Event. 8th ed. — L., 1791 (1st ed. in 1790).
66. Veitch G. P. Op. cit. — P. 162.
67. Burke E. Op. cit. — P. 5—6, 126.
68. Ibid. — P. 98—99.
69. Burke E. Op. cit. — P. 14, 35.
70. Ibid. — P. 14.
71. Ibid. — P. 32, 14.
72. Ibid. — P. 99.
73. Ibid. — P. 16—17, 35.
74. Ibid. — P. 18, 20, 37.
75. См., например, Фадеева Т. М. У истоков идеологии европейского консерватизма//Новая и новейшая история. — 1992. — № 6. — С. 57—61.
76. Brown Ph. Op. cit. — P. 75.
77. Burke E. Selected Writings and Speeches on America./Ed. by T. H. D. Mahoney. — N. Y., 1964.
78. Price R. Two Tracts on Civil Liberty... — P. 32—33.
79. Ibid. — P. 1.
80. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 270—274.
81. Эгалитаристские памфлеты в Англии сер. XVIII в. — М., 1991. — С. 45.
82. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 91.
83. Laboucheix H. Op. cit. — P. 165.
84. Godechot J. La contre — révolution 1789—1804. — P., 1984. — P. 57. Ж. Годшо считает, что отношение Берка к Французской революции помогает глубже раскрыть его взгляды на события в Америке. — Ibid.
85. Price R. A Discourse... — P. 50.
86. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 3.
87. Ibid.; Blakemore St. Op. cit.

88. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 96.
 89. Ibid. — P. 13.
 90. Ibid. — P. 96, 41. Как известно, в существовавшем «заговоре» писателей-атеистов против церкви и государства Берк усматривал важную причину Великой французской революции. — См.: Чудинов А. В. Берк и его оппоненты. — С. 232—233.
 91. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 10.
 92. Ibid. — P. 362.
 93. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1032.
 94. The Monthly Review. — 1790. — Vol. 3. — P. 465.
 95. The London Chronicle. — 23 November, 1790.
 96. The Gentleman's Magazine. — 1790. — December. — P. 1123.
 97. Brown Ph. Op. cit. — P. 41.
 98. The London Chronicle. — 6 November, 1790.
 99. For the London Chronicle — 13 November 1790.
 100. The London Chronicle. — 19—21 April 1791; The Gentleman's Magazine. — 1791. — April. — P. 389—390.
 101. Ibid; The London Chronicle. — 26—28 April 1791.
 102. Veitch G. Op. cit. — P. 158.
 103. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 178.
 104. The London Chronicle. — 3—5 November 1791; The London Chronicle. — 4—6 November 1792.
 105. The London Chronicle. — 14—16 July 1791.
 106. Veitch G. Op. cit. — P. 228.
 107. The London Chronicle. — 2—4 August 1791.
 108. The Gentleman's Magazine. — 1792. — June. — P. 550.
 109. The History and Proceedings of the Lords and Commons, during the Second Session of the XVIIIth Parliament of Great Britain. — L., 1792. — P. 374—375.
 110. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1109.
 111. Godechot J. Op. cit. — P. 74.
 112. Пейн Т. Избранные сочинения. — М., 1959. — С. 226.
 113. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 51.

А. Ф. ЦВИРКУН, Н. Н. КРЕСТОВСКАЯ

ПОЛИТИКА США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ (нач. XX в.)

Дальневосточное направление американской экспансии наряду с южноамериканским являлось важнейшим для империализма США. Следует подчеркнуть, что Китай, Корея и дальневосточные владения России являлись, пожалуй, единственным регионом, где непосредственно сталкивались интересы России и Соединенных Штатов.

Экспансия США на Дальнем Востоке началась еще в 40-х гг. XIX в. Но это были отдельные попытки, а не целенаправленная политика. По военным показателям в тот момент США не могли соперничать с ведущими европейскими державами. Кроме того, некоторые круги американской буржуазии тогда еще не были заинтересованы в колониальной экспансии, т. к. в США существовал достаточно емкий внутренний рынок. К концу XIX в. США превратились в мощную промышленную державу и, подавив национально-освободительное движение тамиллов, обеспечили за собой плацдарм на Филиппинском архипелаге.

Рост экспансии США на Дальнем Востоке в непосредственной близости от границ империи, в регионе, который Россия традиционно рассматривала как сферу своих интересов, не мог не волновать русских политических обозревателей. Внимание прессы было сосредоточено на нескольких ключевых моментах дальневосточной политики США: причины экспансии США на Дальнем Востоке, причины ухудшения русско-американских отношений, позиция США в годы русско-японской войны. Данная статья посвящена анализу позиций ведущих периодических изданий России по этим проблемам.

В русской периодике начала XX в. традиционно выделяют следующие идейно-политические направления: консервативное, либеральное и революционно-демократическое, пред-